

УДК 821.161.1-82 Ахматова

**Стихотворение А. А. Ахматовой
«Вижу выцветший флаг над таможной...»
(Опыты реального и поэтологического комментария)**

Казарин В. П., Новикова М. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, crch@mail.ru*

В работе выявляются петербургские и крымские реалии, которые легли в основу поэтических образов стихотворения А. А. Ахматовой 1912 года. Среди петербургских реалий – главная Морская Таможня российской столицы и специальный таможенный флаг над ней, клиника профессора Д. О. Отта, носившая прозвище «императорской родильни» (основана в 1797 году императрицей Марией Федоровной). В числе крымских реалий – дачные окрестности Севастополя (в том числе имение Н. И. Тура «Отрада» и грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта), Стрелецкая и Песочная бухты, Херсонес и Свято-Владимирский собор. Предлагается новое понимание обстоятельств, инспирировавших ахматовский текст: рождение сына Льва, отчужденность (затем и формальный развод) А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева. Доказывается двойная адресация стихотворения и особый, пророческий смысл его финала. Используются методы историко-биографического, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа. Текст сопровождается иллюстрациями.

Ключевые слова: *Ахматова, Гумилев, отчуждение, развод, Петербург, Морская таможня, флаг, клиника профессора Д. О. Отта, Крым, Севастополь, Херсонес, Свято-Владимирский собор, смуглые главы, Стрелецкая бухта, Песочная бухта, имение Н. И. Тура «Отрада», грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта, приморская девчонка, счастье, слава, дряхление сердца, историко-биографический метод, методы реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.*

Осенью 1912 года А. А. Ахматова написала стихотворение «Вижу выцветший флаг над таможной...». Текст его мы позволим себе напомнить читателю:

Вижу выцветший флаг над таможной
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косу коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.
[1, т. 1, с. 117]

Стихотворение напечатано в февральском номере журнала «Гиперборей» за 1913 год. Значит, написано оно не позже 1912 года: рукописи сдавались в журналы за два месяца до выхода в свет. Авторская датировка «Осень 1913» в книге Ахматовой «Бег времени» [5, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было создано, но никак не на год. В январе 1913-го оно уже было в типографии. Кроме того, именно к концу 1912 года (судя по рукописям и авторским свидетельствам) относится большинство других стихотворений ахматовской подборки (их общее число – пять, наше стихотворение стоит посередине – третьим), напечатанных в той же книжке журнала [5, с. 456]. Да и сама атмосфера стихотворения, наполненная уходящим летним зноем, тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912-го года, а не с зимой 1913-го.

В окончательном варианте стихотворение не имеет названия. Но первоначально оно было опубликовано под заглавием «Возвращение», – и это не случайно. Композиционно все стихотворение построено на мысленном «возвращении» из современности в прошлое. Только учитывая эту параллель-контраст, можно проникнуть в его замысел. А начать это «проникновение» стоит с ахматовских реалий.

I. **Вижу выцветший флаг над таможеней <...>.**

О какой таможене пишет поэт? Откуда можно было видеть ее флаг?

Главная Морская таможня Санкт-Петербурга находилась в начале XX века на стрелке Васильевского острова в здании, в котором с 1927 года и донныне располагается Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Глагол в первой строке стихотворения подразумевает длительность действия: не «увидела» или «заметила» таможенный флаг, не «посмотрела» или мимолетно «глянула» на него, а – «вижу». Не одномоментно, а продолжительно, не единожды, а многократно, вновь и вновь. Почему же какое-то время осенью 1912 года Ахматова видела снова и снова именно таможеню?

В столице в тот период наш поэт более или менее долго без перемены места оставалась только в одном учреждении – в так называемой клинике профессора Д. О. Отта. Клиника была основана императрицей Марией Федоровной в 1797 году. Сегодня она является Институтом акушерства и гинекологии имени Д. О. Отта. В этой самой «императорской родильне», как ее называли петербуржцы, 18 сентября (1 октября по н. ст.) 1912 года Ахматова родила своего сына – Льва.

Клиника профессора Д. О. Отта, «очень дорогая и очень хорошо обставленная» [6, с. 77], куда привез свою жену рожать Н. С. Гумилев, с той поры и по сей день также находится на стрелке Васильевского острова, располагаясь чуть южнее здания тогдашней таможни – сегодня Пушкинского Дома (см. рис. 1).

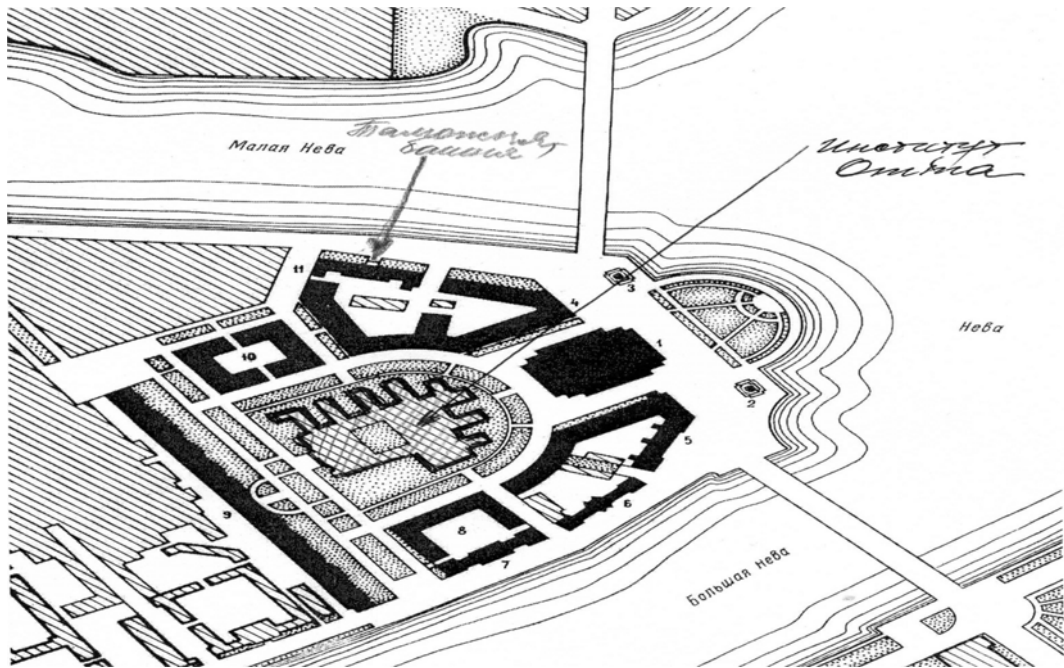

Рис. 1. Стрелка Васильевского острова

Трехэтажное здание Морской таможни венчается круглой башней, которая по высоте совсем немного уступает своей архитектурной основе и одиноко возвышается над всей округой. На куполе башни установлен шпиль, длина которого в свою очередь равна этажу основного здания (см. рис. 2).

Рис. 2. Здание главной Морской таможни в Санкт-Петербурге

Именно шпиль на круглой башне здания нес на себе до революции флаг Российского морского таможенного ведомства, который был утвержден 1 марта 1871 года – синее полотнище с национальным триколором в кантоне и скрещенными кадучеями (жезлами Меркурия), обвитыми змеями (см. рис. 3).

Рис. 3. Императорский флаг Российской таможенной службы

Таможенный флаг был виден далеко в округе. Роженица А. А. Ахматова-Гумилева лежала, видимо, в палате с северной стороны клиники. Именно оттуда она могла видеть в окно не только «желтую муть» осеннего неба, но и «таможенный флаг».

Все сказанное позволяет предположить, что анализируемое нами стихотворение было написано не раньше последних чисел сентября, когда поэт ложится в клинику профессора Д. О. Отта. Не раньше, но вполне может быть, что оно написано двумя-тремя неделями позже. 22 октября (4 ноября по н. ст.) 1912 года Ахматова пишет письмо В. Я. Брюсову, в котором посылает ему «несколько стихотворений, написанных на днях», и оставляет важное для нас признание: «Я не могла сделать этого раньше, потому что у меня родился ребенок, и я ничего за всю осень не писала» [6, с. 78].

II.

<...> И над городом желтую муть.

Характерно: Ахматова пишет, что видит «желтую муть» – «над городом». Действительно, лежачей пациентке открывается в окне не сам город, а пространство над ним – с выцветшим флагом и желто-мутными небесами. Мало того, можно предположить, что лежала наша роженица не на первом и даже едва ли на втором этаже клиники. Иначе соседние здания и деревья (а застроена стрелка очень плотно) заслоняли бы от нее всякий вид из окна, включая небо.

Но почему небо у нее – «мутное»? И почему – «желтое»?

С «мутью» дело обстоит более или менее просто. В сентябре 1914 года, когда Санкт-Петербург будет уже переименован в Петроград, А. А. Блок напишет одно из самых известных своих стихотворений – о военном эшелоне Первой мировой

войны, отправляющемся из столицы на «кровавые поля» Галиции. Первая строка стихотворения, давшая ему название, звучит так:

Петроградское небо **мутилось** дождем <...>
[10, т. 3, с. 275].

Итак, версия первая – дождь. Версия вторая – туман. Конец сентября для севера это уже осень. Проверить обе версии можно было бы по столичным газетам сентября 1912-го. Метеопрогнозы и тогда уже печатались регулярно, как и теперь. Но есть еще и внутренняя оптика самого ахматовского стихотворения. Она обе эти версии отмечает. Увидеть флаг над таможенной сквозь дождь или туман еще возможно. Разглядеть, что этот мокрый флаг «выцветший», – нельзя.

Остается третья версия, уже упомянутая выше. Не воздух Петербурга мутен и желт, а именно небо, по которому Балтика уже нагоняет низкие клубящиеся тучи. Но откуда возник этот желтый колоратив?

От электрических фонарей. Для начала XX века яркое электрическое освещение улиц – еще диковинка и прерогатива столиц. Об этом мы найдем немало стихов и у того же А. А. Блока, и у раннего В. В. Маяковского, и у других поэтов-петербуржцев. В искусственной желтизне ночных мегаполисов порой усматривали нечто дьявольское: все подменяющее, обесценивающее, искажающее. Но у нашего поэта встречается и вполне позитивное восприятие новомодных светильников: «Чернеет дорога приморского сада, / Желты и свежи фонари» [1, т. 1, с. 175].

Если принять наше объяснение появления в стихотворении «желтой мути», получается, что Ахматова фиксирует свое круглосуточное пребывание в клинике. Днем она видит таможенный флаг, ночью – мутное и желтое от электрических фонарей низкое небо. Это свидетельствует о какой-то тревоге, переживаемой ею. Тревога, в свою очередь, оборачивается бессонницей.

III.

**Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.**

С медицинской точки зрения, ситуация ясна. У героини стихотворения налицо все симптомы сердечной недостаточности. Тут и внезапность приступа («вот уж...»), и перебои сердечного ритма, и острая боль в груди при вдохе. В письме 1907 года С. В. фон Штейну упоминается еще один симптом болезни: «С сердцем у меня совсем скверно, и только оно заболит, левая рука совсем отнимается» [6, с. 46]. Наряду с чахоткой, болезнь сердца будет мучить Ахматову всю жизнь, – от нее она в конце концов и умрет. Стихи нашего поэта (как всегда, документально точно!) фиксируют развитие этого недуга.

Но что могло спровоцировать его именно тогда – в сентябре 1912-го?

Конечно, роды – нелегкое испытание для любой женщины, а для больной туберкулезом – тем паче. Да, петербургская погода («желтая муть») сердцу не подмога. И все же... Складывается впечатление, что во внутренней жизни Ахматовой именно перед родами – или сразу после них – произошло нечто такое, что в буквальном смысле ударило по ее сердцу.

Что мучает нашу роженицу в клинике? Что так тщательно скрывает она? Почему поэт в стихотворении ни единым словом не обмолвится, что стала матерью? Отчего упорно датирует стихотворение в последующих изданиях осенью 1913

года, фактически дезориентируя читателя? Чего он, читатель, не должен знать про ахматовский 1912 год?

Назовем это «малой тайной» стихотворения. К ней нам еще предстоит вернуться. А пока – стихи делают неожиданный скачок во времени и пространстве.

IV.

**Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косу коронкой,
И взволнованным голосом петь.**

В мечтах героиня во второй строфе мгновенно переносится назад: в счастливое подростковое прошлое, которое прошло там – у моря, в Севастополе. Это читателю понятно и без комментариев. Понятно ли ему иное?

Стремительный, легкий ритм. Ни единого анжамбементы, в отличие от предыдущих строк, с их физически наглядной одышкой (сердце «осторожней / замирает...»). Звучный вокализм. Простая, разговорная, непринужденная лексика. Поэт действительно «вернулась», она у себя дома – и душевно, и портретно, и (если угодно) физиологически. Наконец-то ей хорошо.

Какой ценой?

А той самой, что, вернувшись (пускай, повторим, в мечтах), героиня как бы аннулировала все, произошедшее с нею в промежутке между «приморской девчонкой» 1896-1903 годов и женщиной, поэтом, человеком года 1912-го. Отречение фиксируется поэлементами. «Косы коронкой» противостоят знаменитой, эмблематичной прямой челке и волосам, небрежно подколотым длинными шпильками на модный японский лад. А ведь эта прическа была и будет запечатлена на полотнах прославленных художников, и не только отечественных.

То же можно сказать о костюме. Желтая шаль, которая, по одной из версий, будет привезена Ахматовой мужем из поездки по Востоку, и другие «ложноклассические шали», воспетые О. Э. Мандельштамом; агатовые и янтарные четки на шее; вызывающие строки, шокировавшие публику Серебряного века: «...Я надела узкую юбку, / Чтоб казаться еще стройней» [1, т. 1, с. 113], – все отброшено. Счастье, оказывается, прячется в простом – «туфли на босу ногу надеть».

Необыкновенно гибкая от природы, Ахматова завораживала гостей в их с Н. С. Гумилевым царскосельском доме «змеиными» акробатическими пируэтами: она «легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток» [6, с. 67]. При всем изобилии «оргий» и «афинских ночей» в стилизованном обиходе Серебряного века, таких виртуозных экстравагантций не позволял себе, кажется, никто. Но мечталось «жене-колдунье», как выясняется, совсем о другом – она хочет всего-то «взволнованным голосом петь».

Все ампула, – годами наработанные, Н. С. Гумилевым властно и педантично отточенные, – оказались болезненными и ненужными.

А новорожденный сын? А муж? А творчество и творческая слава?

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, о ее особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие суть только объекты).

«Малая» тайна анализируемого нами стихотворения состоит в том, что оно в зашифрованном виде есть диалог, и адресован он Н. С. Гумилеву. Брак их, который длился уже два с половиной года, не сделал двух поэтов роднее и ближе. Напротив,

отчуждение, противостояние во всем (даже в стихах) только росло. Ахматова искренне радовалась книге Н. С. Гумилева 1910 года «Жемчуга» («3/4 лирики <...> относится ко мне»). Его же книгу 1912 года «Чужое небо» она восприняла как «борьбу» с ней «не на живот, а на смерть» [6, с. 74]. Вернувшись весной 1912 года из совместной поездки с мужем в Италию и с удивлением обнаружив, что она не может рассказать близкому человеку об этом путешествии, столь важном для ее внутреннего развития, «легко и плавно», Ахматова объяснит затруднение весьма характерно: «Должно быть, мы (с Н. С. Гумилевым. – *Авт.*) уже не так близки были друг другу...» [1, т. 1, с. 553].

Рождение сына только подтвердит опаску, высказанную Ахматовой в стихотворении «Он любил...» (1910) – через шесть месяцев после свадьбы. Сначала она перечисляет «три вещи», которые ее муж любил. Потом называет три вещи, которые он не любит. Первая среди них – «когда плачут дети» [1, т. 1, с. 36]. Именно эта «вещь» и случилась – она родила. Поведение Н. С. Гумилева во время беременности и родов жены, которого мы не будем касаться, нанесло ей незаживающие раны. Брак, юридически распадающийся в 1918 году, фактически умер осенью 1912-го. Об этом скажет сама Ахматова: «Скоро после рождения Левы мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга» [6, с. 77].

Но рана осталась, и сердцу больно. Оттого и стихотворение Ахматовой действительно адресовано ему – Н. С. Гумилеву. Он один знает, откуда она несколько дней снова и снова видела «выцветший флаг над таможенной». Защищая свою драму от посторонних, Ахматова не упомянет клинику, ни слова не произнесет о родах, о сыне. Она позволит себе только, обнаруживая накопившуюся тревогу и тоску, описать небо над Петербургом как «желтую муть», а флаг над таможенной назвать «выцветшим». О небе над Херсонесом, о флаге над Севастопольской таможенной она так не говорила и не скажет никогда.

Н. С. Гумилев понял замысел своей жены и отреагировал на адресованное ему послание. 9 (22 по н.ст.) апреля – через месяц-полтора после публикации стихотворения – он из Одессы, перед очередным отъездом в Африку, откровенно отвечает на него. Начнет он издали – с общей характеристики стихотворения и определения места его автора в поэзии: «Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» [12, т. 3, с. 236].

Ответ неожиданный, а местами вызывающий сомнения. Во-первых, обнаруживается, что не только Ахматова грезит счастливой «приморской девчонкой», – Н. С. Гумилеву она тоже не просто «нравится», она его «пьянит». Он выбирает не киевскую «колдунью», не царскосельскую «нимфу», не акмеистическую королеву, а ту – простодушную, наивную, радостную «дикую девочку». Но ведь нимфу и королеву годами ваял из Ахматовой сам Н. С. Гумилев? Да. Но Пигмалион, судя по всему, не выдержал того, что Галатее его переросла.

Во-вторых, не очень-то верится в искренность рассуждения Н. С. Гумилева об Ахматовой в паре с В. И. Нарбутом. Что-то, а художественное чутье было у Н. С. Гумилева острым и точным. Он не мог не ощущать, что В. И. Нарбут с Ахматовой по дарованию не сопоставим. А потому это сопоставление не возвеличивает, а уменьшает масштабы ее личности.

А что же дела семейные?

Из того же гумилевского письма: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца,

но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады» [12, т. 3, с. 236].

Казалось бы, зачем тут, в письме к тоскующей и еще недавно близкой женщине, все эти исследования «страны Галла» и «алмазные щиты» богини Паллады? А вот это уже ревность творческая. Удел Ахматовой – говорить «так просто – так много». Удел его, Н. С. Гумилева, – ехать в далекую Африку, исследовать народ великанов «галла» (нагорье Западной Африки в верховьях Голубого Нила, севернее Сомали), изучать эллинскую мифологию. (Кстати, здесь Н. С. Гумилев допустил несколько неточностей: Луна никогда не была щитом Афины, тем более алмазным, как и сама Афина не была богиней воинов.)

Все это уже явная забота о «потомках», которые, по словам «разлюбленной» жены (они сказаны в последнем – пятом! – стихотворении ахматовской подборки в февральском номере «Гиперборея»), должны «рассудить» их с Н. С. Гумилевым спор:

<...> Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
[1, т. 1, с. 114]

Ссылаясь на свои стихи «Галла» (пока в замысле) и «Одиссей у Лаэрта», Н. С. Гумилев фактически признает правоту упреков Ахматовой, говорит о невозможности что-либо изменить с его стороны и предлагает ей то самое соглашение о полной взаимной свободе, о «молчаливом» заключении которого она писала. Поиски «счастья» и «славы» принесли ему известность, но лишили сердце героя способности любить, «безнадежно» его «одряхлив».

Своим письмом Н. С. Гумилев это только подтверждает. Он считает, что на основе «молчаливого» соглашения, которое они должны заключить, можно восстановить дружеские творческие взаимоотношения. Да, их обоих уже не связывает любовь, но продолжает связывать статус лидеров современной культуры, а также семья: «Любопытно, что я сейчас опять такой же, как тогда, когда писались Жемчуга, и они мне ближе Чужого неба. <...> Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить папа» [12, т. 3, с. 236].

И эта часть гумилевского письма тоже, на сторонний взгляд, не безупречна. Молодой отец оставляет шестимесячного сына и его кормящую мать ради «творческой поездки» в далекие края. В каких же выражениях передает он свои чувства? «Любопытно...» «Забавно...» Словно не отрывается надолго от семьи, а ведет тщательное наблюдение над самим собой.

Еще одна красноречивая деталь. Поэты не дают случайных имен – ни своим персонажам, ни своим близким. Марина Цветаева назвала сына победоносным именем Георгий. Анна Ахматова нарекла ребенка царственным именем Лев. Из «Льва» муж (тоже поэт!) делает смешное имя-кличку «Львец», будто обращается к домашней игрушке.

Вряд ли это письмо свидетельствует о «счастье» гумилевско-ахматовской семьи.

Вот теперь, восстановив петербургский контекст стихотворения, можно вернуться к его контексту крымскому.

V.

**Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.**

«Херсонесский храм» – это Свято-Владимирский собор в Херсонесе. Однако большинство комментариев в собраниях сочинений Ахматовой к стихотворению «Вижу выцветший флаг над таможенной...» уклоняются от ответа на вопросы: почему у поэта купол собора назван «смуглым» и почему он обрел в ее стихах множественное число («главы») [1, т. 1, с. 744; 2, т. 1, с. 393-394] ?

Опираясь на биографические заметки автора, комментаторы фактически ищут ответ только на один вопрос: где именно в Севастополе в детские годы поэт могла «глядеть» на Херсонесский собор «с крыльца». Например: «Речь идет о даче «Отрада» («Новый Херсонес») на берегу Стрелецкой бухты – «дача Тура», в трех верстах от Севастополя, где семья Горенко проводила каждое лето с 1896 по 1903 г.» [1, т. 1, с. 744-745]. Или: «На даче Тура («Отрада») под Севастополем Аня Горенко жила с родителями каждое лето в 1896-1903 гг.» [2, т. 2, с. 429; см. также 2, т. 1, с. 394].

Двухтомник 1990 года, наряду с другими неточностями, ошибочно отождествляет время написания стихотворения со временем заключенных в нем воспоминаний. Так, мы читаем: «Написано на даче «Отрада» («Новый Херсонес») в трех верстах от Севастополя на берегу Стрелецкой бухты, где Ахматова проводила каждое лето с 7 до 14 лет» [3, т. 1, с. 376]. Получается, что стихотворение 1912 года создано в 1903-м, то есть – четырнадцатилетней девочкой-подростком. На самом деле, конечно же, поэт возвращается к своему прошлому в мыслях, а не пребывает в нем в реальности. Напомним: в журнале «Гиперборей» стихотворение было опубликовано именно под названием «Возвращение» [1, т. 1, с. 744].

В очередной раз мы убеждаемся: без тщательного изучения реалий времени и места нельзя правильно прочесть даже автобиографические заметки писателя. Воистину, как она сама констатировала, «люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать» [2, т. 2, с. 243].

Вопреки цитированному выше мнению, Ахматова не жила **на даче** Н. И. Тура. Об этом она сама ясно скажет в одной из своих записей конца 1950-х – начала 1960-х годов: «**В окрестностях этой дачи** («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес <...>) я получила прозвище «дикая девочка» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 215]. Правильно будет сказать, что Ахматова с родителями жила **на дачах Тура**.

Хорошо известное севастопольцам имение Н. И. Тура до 1905 года носило название «Отрада» [8, с. 905]. Хозяин имения был человеком предприимчивым. На части своих земель он построил для отдыхающих дачный поселок. По имени владельца поселок получил название Туровская слобода или Туровка. Сегодня Туровки на официальной карте города уже не найти. В 1923 году первоначально, в 1935-м окончательно слободка была переименована в честь матроса Г. Н. Вакуленчука, организатора восстания на броненосце «Потемкин» [8, с. 147, 905]. Весьма показательное, что в устной традиции Туровка продолжает жить в Севастополе до сих пор, а слободка Вакуленчука в массовом сознании так и не закрепилась.

Вот на этой самой Туровке и снимала домик почти каждое лето на протяжении восьми лет семья Горенко. «На современной карте Севастополя нынешний проспект Гагарина, – пишет севастопольский краевед В. Н. Горелов, – примерно соответствует Туровскому шоссе, центральной улице этого поселка. Установить местоположение домика, в котором останавливались Аня и Инна Эразмовна Горенко, сейчас вряд ли возможно...» [7, с. 2]. Ясно одно: домик располагался на возвышенной части Туровской слободы. Оттуда были хорошо видны и Херсонес, и Стрелецкая бухта. Это и получило отражение в стихотворении Ахматовой и в ее воспоминаниях.

После 1905 года имение «Отрада» было перестроено в духе времени. Появились новейшей архитектуры ресторан, общественный сад, беседки, скамейки, открытые площадки. Изменив свой облик, имение изменило и название: было переименовано в «Новый Херсонес». В этой части города Ахматова появилась опять только в 1907 году. Поселилась она по соседству, на новом дачном месте – в грязелечебнице Е. Э. Шмидта, которая расположилась на берегу Песочной бухты. Ее владельцем был врач, надворный советник Евгений Эдуардович Шмидт, проживавший в собственном доме на той же Екатерининской улице, где жил и дед Ахматовой [6, с. 47; 7, с. 2; 13].

Места своего детства, изменившие и облик, и название, Ахматова, несомненно, видела. Об этом свидетельствуют ее воспоминания: «Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет (правильно – до четырнадцати. – Авт.) я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 693].

Кстати, внесенная нами возрастная поправка показательна. Ряд ошибок у комментаторов рожден ошибками в воспоминаниях самого поэта. Например, вслед за Ахматовой все в примечаниях пишут, что она проводила на даче Тура «каждое лето». Писать следует иначе – «почти каждое лето», поскольку ни в 1898-м, ни в 1900-м годах семья Горенко летом там не отдыхала [6, с. 32, 34].

После этих необходимых разъяснений вернемся к Херсонесскому храму.

Свято-Владимирский собор в Херсонесе построен в 1861-1891 годах. Только двухтомник 2005 года справедливо указывает, что соборный купол был «незолоченым» [4, т. 2, с. 433]. Действительно, золоченым у собора был изначально один лишь крест. Купол покрыли золотом уже во время восстановительных работ 1998-2004 годов. В остальном и этот комментарий, к сожалению, не лишен неточностей. Строился Свято-Владимирский собор не в 1862-1892 годах. У собора один купол, а не несколько. Из Стрелецкой бухты этот купол не виден. Виден он (как мы уже отмечали) с возвышенностей, окаймляющих бухту. Там как раз и располагалась дача, снимаемая семьей Горенко.

Нерешенным остается вопрос: так каким же был в конце XIX – начале XX веков купол Херсонесского храма?

Строился Свято-Владимирский собор к 900-летию Крещения в Херсонесе Св. Равноапостольного Великого князя Владимира. Именно поэтому автор проекта академик Д. И. Grimm предложил возвести крестово-купольный храм в византийском стиле. Помимо прочего, это предполагало (в соответствии с греческой православной традицией) отказ от золочения купола. (Ср. три Святые Софии – соборы Константинопольский, Киевский и в Великом Новгороде). Но купол собора и его двухъярусные кровли были покрыты почему-то не медью (что было уже традицией), а цинковой черепицей [8, с. 165]. Цинк – металл достаточно легкий. Оттого первоначальное покрытие в декабре 1879 года сорвал ураган. После этого были произведены ремонтные работы, результатом которых стала замена части цинковой кровли (а именно – карнизов) на свинец [9, с. 97-98]. С одной стороны, это утяжелило крышу, предохранив ее от сильных ветров – с другой, сохранило цвет основного покрытия, поскольку свинец в окисленном состоянии визуально почти не отличается от цинка. Цветовая гамма цинка – голубовато-серая, со временем имеющая тенденцию к потемнению. В результате, цинково-свинцовые купол и двускатные двухъярусные крыши собора на дореволюционных фотографиях «имеют тяжелый сумрачный цвет» [7, с. 2].

Все это и дало Ахматовой основание говорить о «смуглых главах» Херсонесского храма. Но почему же она пишет о единственном куполе собора во множественном числе?

Во-первых, у комментируемого стиха был начальный вариант. В. М. Жирмунский, издавая Ахматову в «Библиотеке поэта», приводит эту раннюю редакцию интересующей нас строки: «Херсонесских церквей у крыльца» [5, с. 387]. Несомненно, имелись в виду руины многочисленных византийских базилик V-IX веков на территории Херсонеса, а также православные храмы новейшего времени – Свято-Владимирский собор, храм Семи Херсонесских священномучеников, домовая церковь Настоятельского корпуса.

С молодых лет Ахматова относилась к Херсонесу по-особому. Для нее он – «главное место в мире» [6, с. 32]. «Самое сильное впечатление» подростковых лет – «древний Херсонес, около которого мы жили» [1, т. 5, с. 236]. «Непосредственно отсюда», по самооценке поэта, к ней пришла «античность – эллинизм» [1, т. 5, с. 215].

Вместе с тем, для нашего поэта, в чем мы не раз убеждались, характерна точность деталей. «Главы» Херсонесских церквей лишены позолоты и на вид они действительно «смуглые». Но располагались они совсем не «у крыльца» ахматовской дачи, хотя и были хорошо видны оттуда. Расстояние до них составляло около двух километров.

Это, видимо, побуждает Ахматову отказаться от ранней редакции строки, заменив ее на нынешнюю: «Херсонесского храма с крыльца». Однако при этом в предыдущей строке она оставляет во множественном числе «смуглые главы», тогда как у Херсонесского храма купол только один. Почему?

Визуально (и это во-вторых) образ поэта совершенно точен. Свято-Владимирский собор спроектировали таким образом, что издали он выглядит как многоглавый храм. Многочисленные части его покрытия (от купола до фрагментов крыши), разной формы (круглые, угловые, квадратные), но при этом в тот период одного цвета, и впрямь смотрятся как отдельные «главы». Разрастаясь вширь, они ниспадают тремя ярусами – от вершины к основанию (см. рис. 4).

Рис. 4. Херсонесский собор на дореволюционной открытке

Особо отметим, что эпитет «смуглые» в определении «глав» храма нуждается в отдельном и более подробном комментировании. Конечно, в этом словоупотреблении есть дань колориту, что мы уже отметили, рассказав о цинковой кровле собора. Колористическая функция этого эпитета несомненна и в известных стихах о Пушкине 1911 года, из ахматовского цикла «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>.
[1, т. 1, с. 77]

Однако в 1913, 1914 и 1915 годах, уже вне всякой колористической привязки, Ахматова наделяет «пушкинским» колоративом свою Музу: «А **смуглая** сидела на траве» («В то время я гостила на земле...» [1, т. 1, с. 147]), «Допишет Музы **смуглая** рука» («Уединение» [1, т. 1, с. 183]), «И были **смуглые** ноги / Обрызганы крупной росой» («Муза ушла по дороге...» [1, т. 1, с. 247]).

В 1916 году этот эпитет снова появится в стихотворении Ахматовой о Бахчисарае. Внешне он вроде бы опять исполняет колористическую функцию – передает особый оттенок лица крымскотатарских женщин, персонифицированных в образе «смуглой» Осени:

<...> Осень **смуглая** в подоле
Красных листьев принесла <...>.
[1, т. 1, с. 275].

Но в стихотворении «Клеопатра» 1940 года уже неясно: «**смуглая** грудь», на которую героиня «равнодушной рукой» кладет «**черную** змейку», – только ли колористическая деталь или это также траурный символ «прощальной жалости» к египетской царице [1, т. 1, с. 464]?

Чем больше накапливается примеров, тем становится ясней: значение эпитета «смуглый» колоритом не ограничивается. Об этом свидетельствует и стихотворение А. А. Блока «Седое утро» – кстати, того же 1913 года, что и стихи Ахматовой о Музе:

Прощай, возьми еще колечко,
Оденешь рученьку свою
И **смуглое** свое сердечко
В серебряную чешую...
[10, т. 3, с. 207].

Верно: речь у Ахматовой в 1916 году идет о татарке, а у А. А. Блока в 1913 году – о цыганке. Однако одним только оттенком их кожи эпитет «смуглый» тут уже не объяснишь. Почему у Анны Андреевны «смуглая» не просто женщина, а – Муза или Осень? И осень не какого-нибудь, а именно 1916 года? Отчего у А. А. Блока цыганка, прощаясь с лирическим героем после ночи, полной ее страстных песен и его страстных объяснений, «хладно жмет» к его губам «свои серебряные кольца»? Не перекликается ли этот мотив «страстного холода» и безнадежного прощания со строками, адресованными «утешному» другу в бахчисарайском стихотворении Ахматовой?

Есть, быть может, еще одна – сугубо личная, интимно-психологическая – причина столь сильной привязанности Анны Андреевны к эпитету «смуглый». С самого рождения Ахматова отличалась необыкновенно белой кожей. Помимо свидетельств современников, это подтверждается ее собственным признанием: в Херсонесе она «загорала до того, что сходила кожа» [1, т. 5, с. 215]. Именно у того типа людей, к

которому она принадлежала, упорное пребывание на солнце все равно приводит не к загару, а к шелушению кожи.

По личному опыту Анна Андреевна знала, что такая белизна – характерный признак людей, больных туберкулезом. Летом 1896 года умирает от этой болезни ее четырехлетняя сестра Ирина (Рика), летом 1906-го с тем же диагнозом в возрасте 21 года уходит старшая сестра Инна, осенью 1922-го – 28-ми лет отроду – скончалась в Севастополе сестра Ия. В 1907 году в грязелечебницу доктора Е. Э. Шмидта привозят лечиться от первых признаков туберкулеза уже саму Анну Горенко [6, с. 48].

В стихотворении «Как невеста, получаю...», написанном в октябре 1915 года в туберкулезном санатории близ Хельсинки, читаем:

Я гощу у смерти **белой**,
По дороге в тьму.
[1, т. 1, с. 245]

«Белая» смерть, разумеется, образ многозначный. Идет ли речь о финских снегах? Для октября на юге страны вроде бы рановато. Или о белых халатах врачей? Или о саване? Возможно. Однако не исключена еще одна интерпретация. Речь может идти и о нездоровой белизне кожи у больных туберкулезом. Во всяком случае, эпитет «белый» у Ахматовой будет всегда сопровождать несчастье и беду [см. 1, т. 1, с. 267, 373]. Даже рай, если он «белый», – это не бессмертие, а смерть [1, т. 1, с. 177].

Не потому ли с такой готовностью подчеркивает Ахматова «смуглое» в дорогах ей людях и предметах? Смуглый – лицеистский Пушкин. (Сам-то он всю жизнь считал идеалом красоты именно белую кожу.) Смуглая – Осень в облике крымскотатарской женщины. Смуглая – ахматовская Муза. Смуглая – грудь царицы Клеопатры. Смуглые – главы Херсонесского храма.

И повсюду этот «смуглый» цвет у Анны Андреевны – знак желанного, мечтаемого, идеального, но недостижимого. Поэтому в детстве она дни напролет проводит на море, безуспешно стараясь обрести под южным солнцем столь заветный, но упорно ускользающий загар.

Итак, стихи Ахматовой накрепко спаяны между собой не простыми повторами отдельных «излюбленных» слов. Связывает их глубинная поэтика. Именно благодаря ей слова-образы переливаются в строки, строки – в целые тексты, тексты – в циклы, циклы разного времени – в единые вопросы бытия, обращенные к их, этих стихов и циклов, героям. А вот как отвечала Ахматова на эти вопросы, – предстоит внимательно изучать снова и снова.

VI.

<...> **И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.**

Эти две последние строки на основе всего накопленного материала помогут нам понять не только «малую», но и ту «большую» тайну, которую скрывает в себе стихотворение и о которой в 1912 году пока не знает и сам поэт.

Начнём, как обычно, с реалий. Будем при этом помнить, что у Анны Андреевны реалии имеют обыкновение стремительно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды Ахматова вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215; там же, с. 236; там же, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей в 1960-е годы – через полвека с лишним после

детства и отрочества, связанных с Херсонесом, – вспоминалось. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах нашего поэта более чем скромно. Спешим оговориться: в виду имеется не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём всея земли».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к 1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего свое существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, – уже открыли многое и поражали многих [11]. Причем поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов: археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с греческой надписью [6, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать Анны Андреевны с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко, конечно, не старшеклассники Бориса Балтера – евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами (соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана), ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенасы.

Положим, воспоминания Б. И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала Ахматовой, упоминая Херсонес, вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонидки») значил для поэтического мышления Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисараея (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом». Мифом о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н. В. Недоброво последнего лирического сюжета [см. об этом специальный цикл наших публикаций].

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании поэта в символы, а из символов ткуются личные мифы.

Анне Андреевне осенью 1912 года (время написания стихотворения) уже исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но задумаемся: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца»?

И о «счастье», и о «славе» Ахматова будет думать, – и очень пристрастно думать, – еще долго, по сути, до конца своих дней (см. пророческую строку 1912 года «Умирая, томлюсь о бессмертии...», открывающую второе из пяти стихотворений

ахматовского цикла в «Гиперборее»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание Ахматовой к её зарубежным исследователям, к их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять Анну Андреевну можно. Испить к двадцати с небольшим годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», Ахматова свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». Ахматова 1912-го года – автор первой книги стихов «Вечер», к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2. с. 237]. Она уже два с половиной года замужем за знаменитым Н. С. Гумилевым. У них родился сын Лев. Каждый год Ахматова наезжает в Европу. Там ее окружают незаурядные люди и большие культурные события (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идет не о пошлой «фам фаталь» – модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А. Н. Толстым в «Сестрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделиться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А. А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассия, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой. Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография Ахматовой, бесконечно от них далекая, все же их питала.

Итак, сама Ахматова 1912-го года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «Всё **глядеть** бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...». Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать еще раз в памятные места отрочества, повидать их – и в блаженном неведении не догадываться о том, чего героиня-подросток еще не могла знать: цену своей будущей взрослой славы и счастья.

Но ведь именно это она как раз уже знает!

Важный оттенок значения у глагола «глядеть» (как и в случае с глаголом «вижу») – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ахматовском поэтическом мире. В нем множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре. Нет – созерцательного, введиологического любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на нее глядят? Если она ведет с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки есть также **их** ответ ей – ответ и пророчество, ответ и предупреждение на годы и десятилетия вперед. Она может этого не знать – это знают

они. Сказанное ей она услышит, уже подготовленная к пониманию «малой» тайной. А в результате и к «большой» тайне тяжкого жизненного испытания полузабвением и невниманием она будет готова.

Одесское письмо Н. С. Гумилева свидетельствует, что финальное двустручие стихотворения о «счастье и славе» имеет двойную адресацию. Херсонесским храмом оно адресовано Ахматовой, но ею самой оно переадресовано Н. С. Гумилеву, что он и подтверждает своим ответом.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, не даром «смуглые» у Ахматовой и купола херсонесского храма, и бахчисарайская осень, принесшая красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»); все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героя с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» - народный фразеологизм; он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако бахчисарайская осень приносит героям не живого ребенка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Напомним: Ахматова к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне Н. С. Гумилевым, а Н. В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем, смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к нашему поэту, окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно Ахматовой, страницы «Ада» [1, т. 1, т. 403].

От этого двустручия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его политическими застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И об этом будущем еще не догадывается крымская Ахматова. Но о нем уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Предлагаемый вариант комментария к «херсонесскому» фрагменту стихотворения А. А. Ахматовой:

**Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.**

Речь идет о дачном поселке, построенном владельцем имения «Отрада» Н. И. Туром недалеко от Стрелецкой бухты. В этом поселке семья Горенко снимала домик почти каждое лето с 1896 по 1903 год. Как известно, сама А. А. Ахматова называла Херсонес «главным» для нее «местом в мире». Установить, где точно располагался дачный домик, и выяснить, не меняла ли семья свой летний адрес на протяжении восьми лет, пока не представляется возможным. Твердо можно сказать лишь, что дача стояла на возвышенном месте, поэтому «с крыльца» ее был хорошо виден Херсонес и, в частности, Свято-Владимирский собор. Купол храма и его двухъярусные крыши имели темное цинково-свинцовое покрытие и визуально создавали эффект многоглавого собора. Это и породило поэтический образ «смуглых глав Херсонесского храма».

Список литературы

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. / А. А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998-2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Художественная литература, 1986.
3. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Правда, 1990.
4. Ахматова А. А. Победа над судьбой. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Русский путь, 2005.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского / А. А. Ахматова. – Издание 2-е. – Л.: Советский писатель, 1977. – (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889-1966 / В. А. Черных. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: Индрик, 2008.
7. Горелов В. Н. Херсонес Анны Ахматовой / В. Н. Горелов // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь: Региональное обозрение. – 2008. – 26 сентября-10 октября. – №18(23). – С. 2.
8. Севастополь: Энциклопедический справочник. – Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Севастополь: «Салта» ЛТД, 2008.
9. Золотарев М. И. Херсонесские святые / М.И. Золотарев, В. В. Хапаев. – Севастополь: Фуджи-Крым, 2002.
10. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т. / А. А. Блок. – М.-Л.: ГИХЛ, 1960-1963.
11. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.
12. Гумилев Н. С. Сочинения. В 3 т. / Н. С. Гумилев. – М.: Художественная литература, 1991.
13. Витухновская Н. И. Морские врачи и Севастопольская морская офицерская библиотека [Электронный ресурс] / Н. И. Витухновская, А. А. Зубарев. – Режим доступа: <http://grafskaya.com>.

Казарин В.П., Новикова М.О. Вірш Г. А. Ахматової ««Вижу выцветший флаг над таможней...» // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 1. Ч.2 – С.146-163

У статті виявлено петербурзькі та кримські реалії, які покладені в основу поетичних образів вірша А. А. Ахматової 1912 року. Серед петербурзьких реалій – головна Морська митниця російської столиці і спеціальної митний прапор над нею, клініка доктора Д. О. Отта, яку прозвали «імператорською родильнею» (заснована в 1797 року імператрицею Марією Федорівною). Серед кримських реалій – дачні передмістя Севастополя (у тому числі маєток М. І. Тура «Відрада» і грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта), Стрілецька й Пісочна бухти, Херсонес і Свято-Володимирівський собор. Запропоноване нове розуміння обставин, що інспірували ахматівській текст: народження сина Лева, відчуження (згодом і формальне розлучення) А. А. Ахматової та М. С. Гумільова. Доведено подвійну адресацію вірша й особливий, пророчий сенс його фіналу. Застосовано методи історійко-біографічний, реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

Ключові слова: Ахматова, Гумільов, відчуження, розлучення, Петербург, Морська митниця, прапор, клініка професора Д. О. Отта, Крим, Севастополь, Херсонес, Свято-Володимирівський собор, смугляві глави, Стрілецька бухта, Пісочна бухта, маєток М. І. Тура «Відрада», грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта, приморська дівчисько, щастя, слава, дряхление серця, історико-біографічний метод, методи реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

// *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.2 – P.146-163*

The paper reveals Petersburg and Crimean realia underlying the poetic imagery in Anna Akhmatova's poem written in 1912. Among the Petersburg realia are the main Maritime Customs House with its special flag and Prof. D. Ott's clinic founded in 1797 by Empress Maria Feodorovna and widely referred to as the Imperial Maternity Home. Among the Crimean realia are the suburbs of Sevastopol (with N. Tour's estate Otrada and Dr. E. Schmidt's mud cure clinic), the Streletskaya and Pesochnaya Bays, Chersonese and St. Vladimir's Cathedral. New insights into the circumstances which inspired Akhmatova's text are offered such as the birth of her son Leo and her estrangement (as well as subsequent official divorce) from N. Gumilev. The double addressee of the poem is proved, as well as a special prophetic meaning of its final part. The historical and biographical methods are combined in the research with realia comments and in-depth poetological analysis. The text is interspersed with illustrations.

Key words: Akhmatova, Gumilev, estrangement, divorce, Petersburg, Maritime Customs House, flag, Prof. D. Ott's clinic, Crimea, Sevastopol, Chersonese, St. Vladimir's Cathedral, swarthy cupolas, Streletskaya Bay, Pesochnaya Bay, N. Tour's estate Otrada, Dr. E. Schmidt's mud cure clinic, seaside girl, happiness, fame, decaying heart, historical and biographical methods, realia comments, in-depth poetological analysis.

Поступила в редакцію 18.11.2014 г.